

Из архивов

**В КАКОЙ СТЕПЕНИ ОРИГИНАЛЕН
«ЛОГИКО-ФИЛОСОФСКИЙ ТРАКТАТ»?**

Л. Голдстейн

От переводчика: В 1999 г. Лоуренс Голдстейн опубликовал крайне интересную работу под вызывающим названием: «Экзамен на Ph.D. Витгенштейна: воссоздание события». (Ее перевод на русский язык, выполненный В.В. Целищевым, напечатан в журнале «Гуманитарные науки в Сибири», № 1, 2000 г.) В этой работе обыгрывалась известная в истории философии XX в. ситуация, когда Витгенштейн, будучи признанным корифеем, был вынужден сдавать экзамен на профессиональную пригодность, чтобы преподавать и заниматься философией. Экзаменаторами тогда выступили Рассел и Мур, которые признавали, что не только были учителями своего гениального ученика, но и восприняли некоторые его идеи. Поэтому экзамен, вызывающий многие затруднения у других, для Витгенштейна представлял простую формальность. Тем не менее Голдстейн поставил задачу реконструировать это событие в том ключе, как если бы в нем участвовали незаинтересованные лица. Что бы произошло, если бы экзаменаторы хуже знали экзаменуемого, если бы они подходили к нему с точки зрения стандартов, принятых в Кембридже для других студентов, а именно, учитывали бы степень оригинальности идей, уровень разработанности проблемы и т.д.? Выводы Голдстейна были неутешительными. «Логико-философский трактат», представленный Витгенштейном в качестве диссертационной работы, вряд ли удовлетворял требованиям, принятым тогда в английских университетах. Действительно, с точки зрения современных критериев «Трактат» содержит множество погрешностей. Именно на этих погрешностях сосредоточил свое внимание Голдстейн, обыграв их в виде небольшой шуточной пьесы, где вымышленные действующие лица являлись своего рода «суррогатом» реальных участников этого события. Пьеса, написанная Голдстейном, вызвала достаточно бурную

© Goldstein L., 1999

© Суворцев В.А., перевод с англ., 2006

дискуссию. Представленная здесь статья является ответом Голдстейна оппонентам и во многом проясняет реалии логико-философских дискуссий, касающихся «Логико-философского трактата».

Перевод статьи Л. Голдстейна выполнен при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 05-03-03402а) по изданию: *Goldstein L. How original a work is the Tractatus Logico-Philosophicus? // Philosophy. – 2002. – No. 77. – P. 421–446.*

В.А. Суровцев

Взгляд юнца

Мой опыт первого прочтения «Трактата» [1] был, я полагаю, сходен с опытом многих других. Я был юн и впечатлителен, текст казался непохожим на все то, что я когда-либо читал, и совершенно непохожим на любые другие философские штудии, с которыми я сталкивался. Его афоризмы казались эфемерными, каждый многозначителен, исключительно важен и обескураживающе непроницаем, однако целое было строго организовано, а элегантная структура обнаруживалась посредством системы нумерации, которая показывала логическую роль каждого афоризма в структуре.

Мое первоначальное мнение укрепилось после того, как я некоторое время поработал над книгой и пришел к выводу об исторической важности взглядов Витгенштейна как реакции на логико-математические доктрины Фреге и Рассела, – здесь была классическая философия XX в., текст, обнаруживающий силу логического анализа и одновременно обрисовывающий богатство австро-германской традиции в философии сознания и языка. Я полагаю, эту точку зрения разделяли большинство философов. Теперь кажется поразительным, что Витгенштейн испытывал значительные затруднения при поиске издателя [2], ибо, как только монография вышла из печати, ее восторженно приветствовали и ей рукоплескали блистательные современники в Кембридже, Вене и других местах. Рассел завершил свое предисловие к этой книге рекомендацией: «Построить теорию логики, которая ни в одном пункте не является очевидно ложной, – значит выполнить работу необычайной трудности и важности. Книга г-на Витгенштейна, по моему мнению, обладает этим достоинством, так что ни один серьезный философ не может позволить себе пренебречь ею» (Т, 23). За 80 лет, прошедших после публикации, «Трактат» вызвал к жизни огромное количество

экзегетической литературы, и нынешняя полемика сводится в основном к тому, что эта книга должна прочитываться либо безоговорочно, либо со значительными сомнениями [3]. То, что такой короткий текст породил столь длительные споры, есть, разумеется, свидетельство непреходящей ценности работы. Почти никто не выражает несогласия с вердиктом Питера Хакера, что эта книга – шедевр, несмотря на отдельные изъяны [4].

Предшественники некоторых идей «Трактата»

Но так ли это? Насколько велик, насколько оригинален «Трактат»? Стиль и подача мыслей, конечно, неотразимы, но пузырь первоначального энтузиазма лопается, когда обнаруживается, что у системы нумерации есть предтеча в лице «Principia mathematica» Рассела и Уайтхеда, а также что стиль записей перекликается со стилем предшественников, чьи работы читал Витгенштейн. Относительно последнего пункта Брайан МакГиннес отмечает, что «в деталях “Трактат” сохраняет многие черты “Дзибалдоне”, серии дневников, где записывались афоризмы, из которых было отобрано его содержание. В них, как и в собраниях афоризмов Шопенгауэра и Лихтенберга, должных в некоторой степени служить моделью, есть только расплывчатая связь между темами, рассматриваемыми в течение дня или на протяжении раздела» [5]. Однако далее МакГиннес высказывает важную мысль, что Витгенштейн рассматривал эту работу не только как литературную, но и как философскую, и что «один из аспектов ее литературного характера состоит в том, что, подобно поэме, она не является безразличным средством для чего-то выразимого другими способами, но показывает или передает нечто уникальное своей собственной формой выражения» [6]. Для незрелых юношей может оказаться разочарованием открытие того, что литературный стиль, идеальный для собственных целей Витгенштейна, был разработан более ранними авторами или что система нумерации «Трактата» имела предшественников, но такие наблюдения не служат оценкой, имеющей значение для критики автора. Действительный вопрос, который следует задать, заключается в следующем: является ли *содержание* «Трактата» определяющим моментом в истории философии?

В одной из своих ранних записных книжек Витгенштейн писал: «вся моя задача» заключается в объяснении природы предложения (Satz) (*N*, 39; замечание датировано 22 января 1915 г.), – и до решения

принять предложенное Муром экстравагантное название он предполагал назвать «Трактат» просто «Der Satz» [7]. Он говорил Расселу, что считает корректную теорию предложений ключом к корректной теории суждений (письмо, датированное 22 июля 1913 г.; *LRKM*, 24) [8]. Вопрос о природе предложений имеет, конечно, серьезную историю. Он пользовался значительным вниманием у средневековых авторов [9] и бросается в глаза в работах авторов XVIII и XIX вв., таких как Больцано, Brentano и Гуссерль. Предложения являются инструментами вербальной коммуникации, и изучение того, как эти инструменты работают, например исследование того, в каком смысле предложение отличается от вереницы слов, является, по-видимому, стимулирующим проектом. Мы не можем сказать с уверенностью, почему Витгенштейн в период философского ученичества занялся вопросом о том, чем являются предложения: чтение ли некоторых отдельных авторов разожгло его интерес к проблеме или же брошенные семена его собственных идей. Но поскольку, как мы увидим, многие идеи Больцано появляются в «Трактате», было бы интересно посмотреть, что сказал на этот счет Больцано.

Предложениям посвящен первый раздел Части I Книги 1 произведения Больцано «Wissenschaftslehre» (*WL*) [10], а Часть II Книги 2 посвящена «предложениям в себе». В начале Части I в § 19 Больцано заявляет:

«Чтобы моим читателям было более ясно, что я понимаю под предложением в себе, я начну свое изложение с того, что объясню значение *высказанного*, или *выраженного*, с помощью слов предложения. Этим я обозначаю любую (состоящую из нескольких или одного слова) *речь*, которой нечто высказывается или утверждается, которая всегда есть одно из двух: либо она истинна, либо ложна в обычном значении этого слова, либо правильна, либо неправильна».

До этих пор так и у Аристотеля [11]. Больцано продолжает:

«Так, например, следующий ряд слов: “Бог есть вездесущий” – я называю высказанным предложением, так как этими словами утверждается нечто истинное. Так же я называю и ряд слов “Четырехугольник – круглый” предложением, поскольку этой комбинацией слов тоже нечто утверждается или высказывается, хотя и нечто ложное. Напротив, комбинации слов “вездесущий Бог” и “круглый четырехугольник” я не называю предложением, поскольку хотя через них нечто и *представляется*, но ничего не высказывается и не утверждается, а также не содержит ни истины, ни лжи. Если ясно теперь, что я понимаю под высказанным предложением, то можно добавить, что имеются также предложения, которые не выражаются словами, а просто мыслятся кем-нибудь. Эти

предложения я называю *мыслимыми*. Но “высказанное предложение”, очевидно, отличается от самого своего высказывания точно так же, как отличается “мыслимое предложение” от мысли о нем».

Высказанное (или записанное) предложение есть то, что Витгенштейн называет «Satzzeichen»; «мыслимое предложение» Больцано есть витгенштейновское «Gedanke» (в *WL*, §23, р. 27 этот термин также используется Больцано как синоним «мыслимого предложения»), которое, поскольку является чем-то физически ментально существующим, имеет физические конституэнты [12]. Если у нас есть мыслимое и высказанное предложения, что тогда представляет собой предложение в себе (Satz an sich)? Больцано говорит: «То, что понимается под словом «предложение», если оно высказывается или мыслится кем-нибудь или никем не мыслится и не высказывается, – это я называю *предложением в себе*» (*WL*, §19, р. 20–21; см. также §122). Ради краткости Больцано называет его «Satz». Напротив, для Витгенштейна Satz – это символ, который имеет чувственно воспринимаемый аспект (Т, 3.1, 3.11, 3.12, 3.31, 3.32), поэтому то, что кажется элементом платонизма в схеме Больцано, отсутствует в схеме Витгенштейна. Различие, которое Больцано проводит между предложениями и выражениями, обозначающими комплексы, в точности соответствует тому, на котором Витгенштейн сосредотачивает внимание в своей ранней работе (сентябрь, 1913 г.), посвященной критике Фреге и Рассела: «Фреге говорил, что “предложения являются именами”, а Рассел говорил, что “предложения являются именами комплексов”. И то, и другое ложно, и особенно ложно утверждение, что “предложения являются именами комплексов”» (N, 93). Представляется правдоподобным, что в этой критике на Витгенштейна повлиял тщательный анализ, представленный у Больцано. Интересно также то, что первый вклад Витгенштейна в философию обнаруживается в предложенном им решении парадокса Рассела, содержащегося в письме к Филиппу Джордану. Подобно Иерониму Саваноролле, чье решение парадокса лжеца обсуждается в длинном примечании к *WL* (§19, р. 22–23), Джордан в своем ответе Витгенштейну принимает сторону *cassatio*, заявляя, что парадоксальные предложения – это «бессмысленный *пограничный* случай высказываний, которые не являются бессмысленными» [13]. Идея о том, что противоречия и тавтологии суть пограничные случаи предложений, *sinnlos*, но не *unsinnig*, встречаются в Т, 5.143.

Дж.Н. Финдлей утверждает:

«Доктрина объективных предложений имеет свои источники в стоической доктрине *λεκτά*, или вещей высказанных, и в доктрине *Sätze an sich*, или предложений в себе, Бернарда Больцано, сформулированных в начале XIX в. Мейнонг, без сомнения, был философом, который сделал самый большой акцент на этой доктрине объективных предложений и фактов, и от него она перешла к Расселу и Муру, а от них – к Витгенштейну времен “Трактата”» [14].

Финдлей явно прав относительно сходства доктрины Больцано с доктриной Витгенштейна, но он не приводит доказательства относительно какого-либо влияния Больцано или Brentano, опосредованного Расселом и Муром. Виктор Крафт сообщает, что, согласно О. Краусу, первоначальный импульс к появлению его ранних взглядов о соотношении языка и логики Витгенштейн получил из философии языка Brentano и Марти [15]. Приемлемым было бы сказать, что в своих ранних работах Витгенштейн осуществил полезный синтез. Он сосредоточил свое внимание на многообещающем проекте Рассела, ориентированном на то, чтобы разрешить с *математической* точностью [16] философские проблемы, усложненные европейской традицией в философии языка [17].

Георг Хенрик фон Вригт отмечает, что «определение вероятности, которое в существенных деталях отвечает определению Витгенштейна, предложил почти веком ранее Больцано», и далее заявляет, что «говорить здесь, собственно, следует об *одном* определении и называть его надо определением Больцано – Витгенштейна» [18]. Фон Вригт не приводит аргументов в поддержку этого предположения, и он не обсуждает возможность непосредственного влияния [19]. Верно, что Больцано не упомянут в списке людей, о которых в записной книжке, включающей 1931 г., Витгенштейн говорил, как об особо повлиявших на него [20], но нет оснований считать, что список составлялся с намерением упомянуть абсолютно всех, к тому же правдоподобно (см. приложение Яна Себестика к моей статье), что Витгенштейн почерпнул свои больцанианские идеи из текста книги Роберта Циммермана, не осознавая, что первоначально они принадлежали Больцано. Но во всяком случае неудивительно, что в списке Витгенштейна, включающем мыслителей первой величины, создавших линию мышления, которой он рьяно придерживался в собственной проясняющей работе, такие, как Циммерман, охарактеризованы гораздо меньше.

Мнение Витгенштейна об источниках его идей выявить очень трудно. Ближе к началу длинного дневника, относящегося к 1931 г., он говорит: «...В моих идеях есть некоторая истина, которую я на самом деле

только возобновил в своем мышлении. Я считаю, что никогда не *изобретал* направления мышления, а ее всегда обеспечивал мне кто-то другой», – но в конце той же самой записи он замечает: «...Когда я в 1913–1914 гг. был в Норвегии, некоторые идеи были моими собственными или, по крайней мере, мне так кажется теперь. Я имею в виду, что у меня было впечатление, что в это время я дал начало новому направлению мышления» (CV, 16–17) [21]. Если это и не категорически противоречиво, то весьма к тому близко. В особенно плодотворной метафоре Витгенштейн некоторым образом сравнивает себя с каким-то необычным грунтом, который, будучи засеян семенами, принадлежащими другим, способен эти семена прорастить иначе, нежели они выросли бы в любом другом грунте (CV, 42). Я думаю, это верно и в отношении его ранней работы. Источник большинства ее идей обнаруживается в работах других мыслителей, поэтому, вероятно, «Трактат» не вполне достоин занять место в пантеоне величайших и наиболее оригинальных философских текстов.

Как бы там ни было, эту проблему я обыграл в опубликованной несколько лет назад шутке под названием «Экзамен на Ph.D. Витгенштейна: воссоздание события» [22]. В 1929 г. Витгенштейн представил «Трактат», рассматриваемый к тому времени как классическая работа, в качестве докторской диссертации. Его защита под руководством Рассела и Мура была чисто номинальным делом и заняла лишь несколько минут. Моя идея заключалась в том, чтобы вновь провести защиту, пристрастно допросив Витгенштейна по поводу его текста. В этой реконструкции Рассел и Мур критикуют аргументы Витгенштейна относительно некоторых главных тезисов его книги и с пристрастием расспрашивают его о происхождении некоторых его идей. В примечании, комментирующем конец этого розыгрыша, я говорю:

«Мое мнение таково: если бы на современников не повлияла в такой степени личность Витгенштейна и если бы о диссертации судили по обычным стандартам оригинальности и качества философской аргументации, защита определенно провалилась бы. Витгенштейн был в свои двадцать лет просто зеленым юнцом (хотя и представил интересные идеи в логике)» (WPhD, 513).

В ответ на смоделированную мной игровую ситуацию Мишель Коэн приписал мне намерение обвинить Витгенштейна в плагиате и исказить взгляды на оригинальность идей Витгенштейна, выраженные двумя другими комментаторами [23]. Вообще говоря, сетования Коэна плохо обоснованы, ибо его статья строится на ряде ошибок. К первой из этих ошибок относится смешение факта и вымысла. В моей пьесе роли

играют вымышленные двойники экзаменаторов и Витгенштейна. Я буду называть их квази-Расселом, квази-Муром и квази-Витгенштейном соответственно [24]. Квази-Рассел и квази-Мур в этой пьесе говорят и делают много такого, чего не сделали бы их реальные двойники. В частности, они подвергают квази-Витгенштейна жесткому и иногда достаточно агрессивному экзамену и в конечном счете проваливают его. На их вопросы по существу квази-Витгенштейн отвечает так, как, по моему мнению, ответил бы Витгенштейн, и, в общем, его ответы неудовлетворительны. (Я сознаю, конечно, что многие читатели этой пьесы сочтут, что критика со стороны квази-Рассела и квази-Мура не была столь решительной, насколько представил ее я, и что Витгенштейн предпринял бы более убедительную защиту.)

Итак, в одном месте пьесы квази-Рассел говорит квази-Витгенштейну: «Вы также должны восхищаться им [Больцано], учитывая степень заимствования у Больцано, точнее, ваш плагиат в отношении него». Коэн придирается к слову «плагиат», повторяя его определение, которое он находит в Оксфордском словаре английских значений, и использует это слово в привлекающем внимание названии своей заметки – «Был ли Витгенштейн плагиатором?». Напомним, что слово «плагиат» используется квази-Расселом, но, согласно Коэну, обвинение было выдвинуто реальным Голдстейном, который вложил эти слова в уста вымышленного Рассела. Однако, выражаясь *in propria persona*, вот то, что я действительно говорю (и Коэн цитирует это): «Если бы о диссертации судили по обычным стандартам оригинальности и качества философской аргументации, защита определенно провалилась бы». Когда вымышленная защита заканчивается и квази-Витгенштейн выходит из комнаты, квази-Рассел говорит квази-Муру: «Я упоминал Больцано, но легко мог бы назвать и других, у кого он заимствовал свои идеи, не признавая этого... Он определенно не одобрил бы плагиат в отношении себя». Здесь не предполагается, что Витгенштейн пытался присвоить эти идеи себе. Мой собственный словарь – Английский словарь Коллинза («признанный лучшим словарем») определяет «плагиат» как «присвоение идей, отрывков текста и т.д., содержащихся в других работах или принадлежащих другим авторам», а глагол «присваивать» – как «брать в чье-либо собственное пользование», – отметим, *не* «брать как свое собственное». Но такие нюансы едва ли заслуживают внимания, поскольку глупо смешивать взгляды вымышленного Рассела со взглядами его реального прототипа. В своей книге «Ясное и сомнительное

мышление: эволюция Витгенштейна и его важность для современной мысли» (далее – *CQT*) [25], говоря о реальном Витгенштейне, я писал:

«Продолжительная изоляция на берегу норвежского фьорда в течение 1913–1914 гг., жестко ограниченное общение и интенсивная концентрация, когда, по его собственным словам, “его сознание было как в огне”, дали Витгенштейну замечательные плоды в области философской логики, – это теория природы пропозиций, тавтологий и противоречий, учение о невыразимом, семантические методы исследования логического следования и многое другое. Но его взгляды на философию вообще оставались поразительно наивными, что, вероятно, неудивительно, если учесть, как мало он изучал предмет. Некоторые последующие записи Витгенштейна времен войны показывают, что он все еще как философ был младенцем в мокрых пеленках» (*CQT*, 80).

Некоторые примеры тому я привел в этой книге. Витгенштейн явно приобрел определенный объем философских знаний дома и в учебном заведении, но он учился на инженера и его знание литературы по многим вечным философским проблемам было, скажем мягко, несколько поверхностным.

На вопрос относительно обвинения Витгенштейна в плагиате моя книга дает вполне ясный ответ. Относительно авторства идей я отмечаю, что «когда была возможность, он свободно относился к другим и чувствовал отвращение, когда другие не обнаруживали подобную щедрость», и далее пишу следующее:

«Это касалось как имущества и денег, так и идей. Последние также должны находиться в общем пользовании. Следовательно, для Витгенштейна было безразлично (на это он указывает в предисловии и к “Трактату”, и к “Философским исследованиям”), что он не был “собственником” или генератором некоторых из опубликованных им мыслей. Поэтому он не озаботился тем, чтобы упомянуть имена действительных авторов. По-видимому, он считал, что в мире идей можно осуществлять заимствования, не задаваясь вопросами, и это не есть признак дурного вкуса» (*CQT*, 178).

В примечании к данному пассажиру (р. 224) я развиваю эту тему:

«Я слышал замечание Ричарда Харе, что Оксфорд того времени был своего рода свободным портом для обмена идей. Академические исследователи наших дней под тяжким прессом необходимости публиковаться и делать себе имя сочли бы ошибкой понимание интеллектуальных заимствований просто как небрежность или легковесность. Ну и что из того? Ведь люди, пересказывая, совершенно расслабляются и, не вполне понимая источник, вышучивают то, что не является их собственным. Поэтому, вероятно, мы не должны быть

слишком опрометчивы, обвиняя Витгенштейна в плагиате, – возможно, в его время или в его сознании философия рассматривалась не как частная собственность, но как разделяемые всеми и совместно разрабатываемые идеи».

В моей реконструкции защиты Витгенштейна обсуждается ряд философских теорий. Коэн говорит, что я «отчасти обыграл» расселовскую теорию суждения, но, как может увидеть читатель, это очевидно неверно, ибо теория Рассела упоминается лишь однажды и не обсуждается вообще. Коэн страстно хочет показать, что я игнорирую критику Витгенштейном этой теории, и он цитирует пассаж из «Трактата», не упоминаемый мной в воссоздании хода защиты, в котором приводятся эта критика и собственная позиция Витгенштейна. Но этот же самый пассаж (Т, 5.54–5.5423) занимает почти всю 96-ю страницу моей книги, где он цитируется полностью. Ясно, что необходимо найти доказательство для утверждения, что имеет место сходство между взглядами Рассела и Витгенштейна, в пассажах *иных*, чем те, в которых Витгенштейн явно *опровергает* те или другие аспекты теории Рассела. Один такой пассаж содержится в «Трактате» (Т, 3–3.5), и в нем, как верно отмечает Энтони Кенни, выстраивается (в совокупности с общеизвестными 5.54–5.5432) витгенштейновский анализ предложений, сообщающих об убеждениях, суждениях, восприятиях и т.п. [26]. В предшествующих пассажах утверждается, что некоторые представления Рассела очевидно безошибочны, хотя как минимум одно из них – теория типов – отрицается (Т, 3.331–3.333).

В предисловии к «Трактату» Витгенштейн пишет: «Я не хочу судить о том, в какой мере мои усилия совпадают с усилиями других философов. Ведь написанное мною не претендует на новизну деталей, и я потому не указываю никаких источников, что мне совершенно безразлично, думал ли до меня кто-либо другой о том, о чем думал я» (Т, р. 2). Этому пассажи Коэн уделяет особое внимание, по-видимому, с целью показать, что обвинять Витгенштейна в плагиате неуместно. Он также отмечает, что в обоих английских переводах утрачен акцент, переданный в оригинале словом «überhaupt». Если перевести корректно, то Витгенштейн говорит, что он «*вообще* не претендует на новизну». Итак, достаточно обоснованно предполагая, что Витгенштейн и не страдал от скромности, и не был непорядочным, на первый взгляд, мы должны считать эту оговорку ценной. Но было бы интересно узнать, признал ли бы Коэн диссертацию на соискание степени доктора философии, где открыто утверждается, что она не содержит новизны относительно рассматриваемых в ней тем, и, кроме того, что в ней

безоговорочно признается авторитет двух человек и говорится об интеллектуальной признательности им, не цитируются источники, из которых заимствованы идеи.

Коэн далее обвиняет меня в неправильной интерпретации взглядов Энтони Грейлинга и Яна Себестика, рассматривающих влияние на Витгенштейна Рассела и Больцано соответственно. И опять-таки Коэну было бы достаточно легко проверить, хотят ли эти авторы на самом деле дистанцироваться от взглядов, которые я им приписываю. Я связался с ними обоими, и ни один из них не захотел этого. Я предоставлю возможность защитить Себестика самому Себестик, который в настоящее время занят обширным проектом, где рассматриваются как соответствие идей Больцано и Витгенштейна, так и заимствования у Больцано, последовавшие после его смерти. Кроме того, Себестик написал приложение к данному исследованию. Однако может быть полезным сказать несколько слов о мнимой неправильности интерпретации мною Грейлинга, поскольку это приведет нас еще к трем ошибкам Коэна. Он выборочно цитирует Грейлинга и, опираясь на отобранные отрывки, говорит, что Грейлинг не делал утверждений, которыми я «нагрузил» его относительно тезисов, воспринятых Витгенштейном от Рассела. Фактически Грейлинг подбирает сущностный аргумент для утверждения о том, что определенный материал из Рассела мог бы рассматриваться как то, что он называет «предвосхищением пассажей “Трактата” Витгенштейна» (1996, р. 99–100). Как он говорит в другом месте, «своим существованием и многим из своих идей “Трактат” обязан “Основаниям математики” Рассела и “Principia Mathematica” Рассела и Уайтхеда» (1988, р. 56).

Грейлинг цитирует из «Трактата» десять тезисов (1, 1.1, 2, 2.01, 2.02, 3, 3.1, 3.2, 4.21, 5) и отмечает: «Не стоит и упоминать, что логические идеи, которые лежат в основании этих тезисов, конечно же, близки к ранней работе Рассела». Грейлинг говорит даже более прямо: они являются действительным содержанием взглядов, выраженных соответственно Витгенштейном в «Трактате» и Расселом во второй части «Нашего познания внешнего мира», из которой Грейлинг цитирует примечательный пассаж [27]. Коэн также цитирует эти пассажи, но он использует их так, чтобы показать, что Витгенштейн *не* копирует Рассела! Это может действительно выглядеть весьма курьезным, пока мы не заметим, что в конце примечания Коэн мимоходом замечает: «То, что я выбрал из этих пассажей, не совпадает с тем, что выбрал Грейлинг» [28]. Ну и конечно, исследуя пассаж из «Нашего познания внешнего мира»,

цитируемый Грейлингом, для того чтобы удостовериться, что же *не* выбрал Коэн, можно обнаружить, что Рассел по-другому говорит о фактах и вещах, по-другому вводит атомарные пропозиции и атомарные факты, по-другому представляет их соотношение и то, каким образом анализ пропозиций приводит нас к атомарным пропозициям – аппарату, введенному Витгенштейном в «Трактате» [29]. Не стоит и говорить, что многое из «Нашего познания внешнего мира» Рассела не вошло в «Трактат», и Коэну легко обнаружить такие куски. Можно посчитать, что это имеет важное значение, но только если кто-то смешивает две сходные вещи с двумя вещами, которые идентичны.

Следующая ошибка состоит в мысли о том, что «А влияет на В» влечет «В не повлиял на А». Коэн цитирует слова Рассела, характеризующего свои лекции по логическому атомизму как «в значительной степени связанные с объяснением определенных идей», которые он «усвоил от своего друга и прежнего ученика Людвиг Витгенштейна». Это весьма великодушно, поскольку, как указывает Грейлинг, «большая часть того, что существенно для взглядов Рассела в “Лекциях”, уже обнаруживается в его работах, опубликованных до того, как он встретил Витгенштейна» [30], но оказавшийся в выигрыше наглый и высокомерный юноша сумел, в свою очередь, ухитриться выразить лишь слегка завуалированное неуважение к Расселу. В предисловии к «Трактату» он пишет: «Хочу только упомянуть выдающиеся работы Фреге и моего друга Бертрана Рассела», – то, что подразумевает эта фраза, отмечалось многими [31]. Тогда как Рассел тщательно упоминает о великодушной дани со стороны Витгенштейна, Витгенштейн тщательно избегает упоминаний о великодушной дани со стороны Рассела. Это, конечно, не подразумевает ни того, что Рассел не повлиял глубоко на Витгенштейна, ни того, что последний не перенял ряд важных идей у Рассела, а свидетельствует лишь о невежливости. В определенной степени вежливость отсутствует и в том, что Коэн игнорирует рассмотрение этой возможности.

В моей пьесе я приписал Расселу обвинение Витгенштейна в том, что он многое взял из теорий Больцано: то, что пропозиции имеют уникальный анализ, что всякая необходимость является логической, а также теорию логического следования, теорию вероятности, теорию переменной пропозиции и т.д. Коэн говорит, что Себестик, чью работу «Археология “Трактата”»: Больцано и Витгенштейн» я цитирую, является ненадежным проводником, и оспаривает точку зрения, что Больцано был действительным источником всех этих

взглядов [32]. Краткий ответ на это обвинение содержится в приложении. В основной части я говорю о том, что нахожу возражения Коэна несущественными (он указывает на определенные различия между взглядами Больцано и Витгенштейна, но – вспомним ошибку номер четыре – глубинное сходство вообще не влечет различий и, как мы видели, их взгляды на вероятность настолько сходны, что фон Вригт ссылается на «определение Больцано – Витгенштейна»), но я согласен, что, например, идея N-оператора, оператора совместного отрицания в «Трактате», возможно, в противоположность мнению Себестика, и не имеет своим источником представления Больцано. Я также думаю, что ошибался в своем прочтении английской версии оговорки Витгенштейна в предисловии: «Ведь написанное мною не претендует на новизну деталей». Я согласен с Коэном, что в немецком оригинале «*im Einzelnen*» не несет смысл «(мельчайших) деталей», и я перевел бы здесь как «отдельных тем». Однако если уж каяться, то я предпочел бы здесь уделить внимание Уоррену Голдфарбу. Голдфарб говорил, что среди философов стало почти фольклором замечание Рамсея, встречающееся в его обзоре «Трактата»: «То, что мы не можем сказать, мы не можем сказать, и также не можем просвистеть». Я слишком доверился этому неправильному восприятию и в сноске 33 (р. 509) в *WPhD* некорректно процитировал этот обзор как источник данного замечания. Фактически его нужно искать в работе Рамсея «Общие пропозиции и причинность», которая в старой редакции «Оснований» опубликована в «Архивных материалах» (1929) [33].

Искры от сознания, пребывающего в огне

Несомненно, что в «Трактате» критика доктрин Фреге и Рассела суровая и резкая. В нем также содержатся собственные доктрины Витгенштейна, новые и крайне интересные, независимо от того, являются ли они в конечном счете приемлемыми. Как мы уже упоминали, на раннем этапе Витгенштейн говорил, что «вся его цель» состоит в объяснении природы пропозиций. Очевидно, что то, что он рассматривает как свой основной вклад в теорию пропозиций, – это учение о том, что то, что не может быть сказано пропозициями, может быть только *показано*. Витгенштейн объясняет Расселу (письмо, датированное 19 августа 1919 г., *LRKM*, 71): «Главная цель “Трактата” – это теория о том, что может быть выражено пропозициями, т.е. языком (и, что то же самое,

может быть *помыслено*), и что не может быть выражено пропозициями, но только показано. Я считаю, что это является кардинальной проблемой философии» [34]. Далее в этом письме он снова указывает на «кардинальный вопрос о том, что может быть выражено пропозициями, и то, что не может быть выражено, но только показано» (*LRKM*, 72). Роль теории показывания в работах раннего Витгенштейна можно сравнить с ролью теории форм Платона. Оба автора считают, что они открыли сильное объяснительное средство, дающее возможность подойти к решению широкой и разнообразной области неподатливых проблем. Для Витгенштейна *показывание*, помимо того что дает ключ к решению ряда семантических проблем прояснения отношения слов к миру [35], а также играет центральную роль в логике (теория вывода – *T*, 5.13–5.132), теории внутренних свойств и отношений (*T*, 4.12–4.1241), теории формальных понятий (*T*, 4.126–4.1274), дает ключ к решению вопроса о том, сколько истины содержится в солипсизме (*T*, 5.62), и даже открывает тайны этики в той степени, что демонстрирует, почему они не могут быть раскрыты, но должны всегда оставаться в области мистического [36].

Замечание: «То, что *может* быть показано, *не может* быть сказано» (*T*, 4.1212) – дословно содержится в отдельной записи в «Дневниках» (*N*, 34), датированной 29 ноября 1914 г., но еще ранее в том же году, когда Мур посетил Витгенштейна в Скьельдене, откровение о показывании было первым, что он сообщил Муру для записи: «Так называемые логические предложения *показывают* логические свойства языка и, следовательно, универсума, но *не говорят* ничего» (апрель 1914 г., *N*, 107). Это предложение заключает в себе указание на две наиболее важные новые теории раннего Витгенштейна. Первая из них – это, конечно же, вышеупомянутая теория показывания. Обычные пропозиции показывают, что они говорят; тавтологии и противоречия показывают, что они ничего не говорят (*T*, 4.461).

Вторая теория касается природы логики. Витгенштейн здесь отчетливо именуется тавтологии «так называемыми пропозициями», потому что в соответствии с его теорией и тавтологии, и противоречия не являются *Sätze*, ибо они ничего не говорят (*T*, 6.11). Так называемые логические пропозиции суть псевдопропозиции (*Scheinsätze*). «Псевдопредложения таковы, что после их анализа оказывается, что эти логические предложения только показывают то, о чем, как предполагалось, они говорят» (*N*, 16). Хотя в «Трактате» Витгенштейн иногда говорит о «логических

пропозициях», ясно, что эти логические пропозиции являются пропозициями в той же мере, в какой каменная лошадь является подлинной лошадью. Рамсей, принимая «глубокий анализ», представленный Витгенштейном, проводит различие между тавтологиями и противоречиями и тем, что он называет «подлинными пропозициями», а Витгенштейн называл «действительными пропозициями» (*N*, 107) [37]. В самом первом письме к Расселу (датированном 22 июня 1912 г.) Витгенштейн заявляет, что «логика должна оказаться наукой *совершенно* иного типа, чем все другие науки» (*LRKM*, 10). Пять или шесть месяцев спустя в письме из своего убежища в Скьельдене он был способен объявить «определенным» утверждение, что «все предложения логики суть обобщения тавтологий и все обобщения тавтологий суть предложения логики. Кроме них нет логических предложений» (*LRKM*, 41). Его поразительно новое видение, заключающееся в том, что логика не является совокупностью общих истин, но состоит из тавтологий, утративших смысл (*sinnlos*), было также принято *inter alia* Расселом и Карнапом [38].

Почему эти две теории особенно важны и для решения каких проблем они изначально предполагались, есть предмет некоторых разногласий. Ответ на последний вопрос, на мой взгляд, касается черепахи и лошади соответственно. Тезис о том, что достоверный вывод показывается тавтологиями и не нуждается ни в каких дополнительных оправданиях, аккуратно останавливает бесконечный регресс, в который черепаха Льюиса Кэрролла ввергает Ахиллеса [39]. А теория показывания, как предполагается, освободит нас от проблемы Фреге относительно того, что понятие *лошади* не является понятием. Что это за логический зверь – лошадь, показывается в предложениях, относящихся к лошадям, – нам не нужны (да мы и не можем их иметь) осмысленные предложения, которые *говорят* то, что показывается относительно понятия лошади [40].

Помимо этих двух теорий, на мой взгляд, совершенно новым является рассмотрение Витгенштейном чисел как показателей операций (*T*, 6–6.022).

Поиски собственного голоса

Уйдя из Философии с большой буквы и проработав в течение шести лет, будучи то ли источником, то ли жертвой волнений, в качестве учителя в нескольких школах сельской Австрии [41], Витгенштейн вернулся в Вену, где он, помимо прочего, построил дом для своей сестры и был

вознесен на пьедестал Венским кружком. Некоторые члены кружка побуждали его посетить лекцию, прочитанную в Вене Брауэром в марте 1928 г., и это событие, очевидно, было наиболее значимым в возрождении у Витгенштейна интереса к философии и ознаменовало начало его так называемого «переходного периода». Нужно сказать, что в сохранившихся рукописях, относящихся к этому периоду, содержится много материалов невысокого качества [42]. К этим материалам стоит привлечь внимание, поскольку в этих записных книжках мы видим борьбу Витгенштейна с самим собой, и становится совершенно ясно, что в отличие от Моцарта, у которого в совершенстве оформленные симфонии как бы стекали с пера, Витгенштейн должен был упорно трудиться – отказываться от слабых идей и постоянно что-то исправлять и перерабатывать. Вот что он говорит в предисловии к *PI*: «...Причем с подходом к тем же или почти тем же моментам с разных сторон, как бы заново, делались все новые зарисовки. Многие из этих зарисовок неправильные или нетипичные, полны огрехов, характерных для слабого рисовальщика. Но после их отбраковки остается некоторое количество довольно сносных эскизов...».

Считается, что как в рукописях переходного периода, так и в записанных Вайсманом беседах Витгенштейна с представителями Венского кружка (*WVC*), имевших место с 1929 до начала 1930 г., Витгенштейн заделывал трещины, которые он обнаружил в «Трактате». В его статье «Несколько заметок о логической форме» (*RLF*), датированной годом, когда состоялся его устный экзамен, в значительной степени представлены идеи «Трактата». Мы видим здесь некоторые проблемы типа проблемы взаимоисключения цветов (*prima facie* зависимость элементарных предложений, описывающих цвета), занимавшие Витгенштейна в начале 1930-х годов (*PR*), и изобретенные им некоторые временные теории, которые он рассматривает.

В этот переходный период Витгенштейн прочитал публичную лекцию об этике, опубликованный текст которой у нас имеется, – это *LE*. По общему признанию, эта лекция предназначалась не для профессиональной аудитории и, вероятно, потому здесь не предполагались значительные философские усилия, но даже при таком условии, при условии, что доклад был сделан второпях, Витгенштейн говорил о глубокой важности этики, и от «Трактата», который, вопреки поверхностному впечатлению, является этической работой, можно было бы ожидать, что он будет чем-то вроде фейерверка. Но «Лекция по этике» – отсыревшая петарда. Витгенштейн проводит некоторое различие между категорическими

и гипотетическими суждениями и обращает внимание на различие между натуралистическим и нормативным описаниями поведения, но в сущности в этой лекции нет ничего, что оказало бы воздействие, хотя бы одно длительное воздействие на последующее моральное мышление [43].

В предисловии к «Философским исследованиям» Витгенштейн писал:

«Четыре года назад у меня был повод перечитать мою первую книгу («Логико-философский трактат») и пояснить ее идеи. Сейчас мне вдруг показалось, что следовало бы опубликовать те мои старые и мои новые мысли вместе и что только в противопоставлении такого рода и на фоне моего прежнего образа мыслей эти новые идеи могли бы получить правильное освещение (*PI*, viii)».

Очевидно, что сам Витгенштейн осознавал мышление *новым* способом. В поздних рукописях он никогда не ссылается на свою раннюю работу и на ее автора, и почти всегда ищет способ дистанцироваться и не ассоциировать себя ни с этой работой, ни с этим автором.

Его новый образ мыслей действительно был всецело новым, и некоторые его контуры видны из эксплицитных утверждений Витгенштейна. Теперь он считает, что философские недоразумения вытекают из нашего очарования языком (*PI*, §109). Лекарством от этого является тщательное исследование способа, которым слова неверно используются в отдельных философских выражениях, и напоминание себе [44] о его тонких различиях [45] со способами, которыми эти слова используются в нормальных, обыденных ситуациях [46]. «Если я должен сказать, – пишет Витгенштейн, – в чем заключается ошибка, сделанная философами нынешнего поколения, включая Мура, я сказал бы, что она состоит в том, что когда рассматривают язык, рассматривается форма слов, а не употребление, осуществленное посредством формы слов» (*LA*, 2). Пристальное внимание к особенностям употребления есть полный антитезис «строительной» теории, которую Витгенштейн первоначально рассматривал как парадигмальную для философии, и едва ли нужно доказывать, что на этом этапе он выражался в высшей степени оригинально. Его философия математики, которая до 1944 г. занимала большую часть его времени, также необычна. Необычно сумасшедшая, как сказали бы некоторые, в хорошем смысле нарушающая правила и указывающая на неосведомленность субъекта за рамками элементарного уровня. Однако эта более поздняя

характеристика, которая некогда была общепринятой, теперь ставится под вопрос в ряде очень интересных исследований, посвященных обоснованности некоторых замечаний Витгенштейна относительно теории множеств и теоремы Геделя [47].

Точка зрения, которую я отстаиваю в этой статье, заключается в том, что на раннем этапе Витгенштейн был эпигоном, что его признание относительно отсутствия того, что он в своих рассуждениях неоригинален, имело основания. «Трактат» – серьезная работа, но это плод, выросший из семян, посеянных в душе Витгенштейна Расселом, Фреге и многими другими мыслителями. Позднее, когда Витгенштейн искал свой собственный философский голос, произошла удивительная трансформация как в его характере, так и в его философии [48]. Витгенштейн признавал ограниченность своего таланта [49], но он загружал себя, был беспощадно самокритичен и стал лучше как человек и оригинальнее как философ [50]. В уже цитированном примечании к *WPhD* далее говорится:

«Впоследствии, после многих лет борьбы со своими личными пороками и наивными, незрелыми концепциями, изложенными в “Трактате”, он пришел к истине великим и оригинальным мыслям. Я согласен с мнением М. Даммита, что “всякий, способный к осознанию глубокой философии, открыв “Философские исследования”, поймет, что это работа гения”» [51].

Приложение Яна Себестика

После смерти Больцано было несколько случаев оправдания по поводу присвоения его идей. Одним из обвиняемых был Роберт Циммерман, автор «*Philosophische Propädeutik*» (первая редакция 1853 г.). Обвиняемые были оправданы хотя бы уже потому, что Больцано хотел, чтобы его идеи пропагандировались без упоминания его имени. В Австрии Больцано в то время все еще был *persona non grata*, и публичное его упоминание, вероятно, встретило бы со стороны властей порицание, что могло повредить университетской карьере Циммермана. Вот почему Циммерман опускает почти все идеи Больцано во второй редакции своего учебника (1860 г.), – редкий случай в философской литературе, когда вторая редакция определенно хуже первой [52]. Злоключения постигли Гуссерля после его восторженного отзыва в адрес Больцано в «Логических исследованиях». В «*Der Streit der Psychologisten und Formalisten in der modernen Logik*» (1902 г.) Мельхиор Палагий предупреждает о «формалистской опасности». Соглас-

но Палагию, «подлинным создателем формалистской тенденции в современной логике» был Больцано, а его последователем оказался Гуссерль в «Логических исследованиях». Анализируя книгу Палагия, Гуссерль пишет:

«Здесь я должен впервые упомянуть неприличную манеру, в которой Палагий рассматривает мои отношения с Больцано. В череде намеков, которые не имели бы значения, взятые по отдельности, но действительны, когда делаются один за другим в последовательности, он не менее как дает понять читателю, что я бессовестно использовал Больцано и умолчал о его влиянии на меня. Не буду судить о том, как это делает автор, но для несведущих замечу, что я не только, как один раз говорит автор (с. 16), “упомянул” Больцано и “назвал” его одним из величайших логиков. Более того – в приложении к Разделу 10 “Logische Untersuchungen” (Bd. 1) в специальном дополнении я указал на значение “Wissenschaftslehre” как одной из фундаментальных работ по логике и подчеркнул необходимость осуществления построений на основе этой работы и ее очень тщательного изучения. Это я сделал так детально и с таким вниманием, как никогда до этого, ни раньше, ни теперь. И не удовлетворившись этим, я выразительно охарактеризовал Больцано как человека, который (вместе с Лотце) на меня “решительно повлиял”. Эти слова я цитирую из “Logische Untersuchungen”» (Bd. 1, S. 226 – 1-е изд.) [53].

Сходные замечания можно найти в предисловии ко второй редакции «Логических исследований» и в «Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie» (1913, В. III, §10).

Витгенштейн не считал свою раннюю работу оригинальной и не утруждал себя цитированием источников своих рассуждений. Я не знаю, справлялся ли он с «Wissenschaftslehre». На мой взгляд, наиболее вероятный его источник, непосредственный или опосредованный, – это «Прорädeutik» Циммермана. Циммерман объясняет наиболее важные логические теории Больцано, не упоминая при этом его имени. Фактически он упоминает Больцано три раза, но в связи с менее важными моментами, чтобы скрыть то, что он заимствовал его важные идеи. Поэтому, не будучи знакомым со своим источником, Витгенштейн мог взять из старого учебника метод переменной Больцано, его понятие логического следования (*WL* II, §155) и его понимание связи между следованием и вероятностью (*WL* II, §161, 162). Эти теории были широко известны в Австрии того времени и изучались в школах второй ступени. Циммерман приобрел математические труды Больцано – «Nachlav»,

которые в 1882 г. он на время передал Австрийской академии наук в Вене, а 1892 г. отдал в Придворную библиотеку, вероятно, не просмотрев их. У него нет заимствований из «Nachlav», есть только из «Wissenschaftslehre».

Когда Коэн без сомнений утверждает, что Витгенштейн не изучал в университете австрийскую философию, это, конечно, правильно. Но Витгенштейн провел первые 17 лет своей жизни в Австрии, где его окружали очень искусные люди, в доме его родителей велись бурные дискуссии об искусстве, литературе, музыке и философии. Он часто возвращался в Австрию и, вероятно, знал об австрийской философии. Просматривал ли он в юные годы «Логические исследования» Гуссерля? Общался ли он за границей с людьми, которые, подобно Расселу, были немного знакомы с австрийской философией?

По причинам, отмеченным выше, в связи с «методом переменной» я намеренно цитировал Циммермана, а не Больцано, хотя у Циммермана этот метод показан не так хорошо (у Больцано есть такой же пример, но помимо него он приводит и лучший). Согласно Коэну, рассматривая метод переменной, я должен был бы процитировать замечания Рассела из «Оснований математики» о переводе констант в переменные. Однако Рассел, когда пишет в «Основаниях» о переменных, соотносит их с формальными языками, тогда как Больцано объясняет свою концепцию в отношении естественных языков. Когда Рассел преобразует константы в переменные, он фактически *подставляет* переменную вместо константы и вместо « $c(a)$ » пишет « $c(x)$ ». Но это совсем не то, что подразумевал Больцано (и Циммерман). Больцано не подставляет переменную вместо константы, – он просто *рассматривает* саму константу как играющую роль переменной и подставляет константные идеи на место данной константной идеи. Он пишет: «Мы рассматриваем определенные составные части предложений как переменные и подставляем вместо них эту идею, а иногда – ту» (*WL*, II, § 147; см. также § 69 и § 108). Когда он пишет, что «предложения *A, B, C...*, в которых определенные идеи *i, j...* рассматриваются как переменные», он не проводит различия между переменными и константами, как это делается сегодня. По-моему мнению, его *i, j...* являются константами, определенными идеями, вместо которых мы можем подставить другие определенные идеи. Посредством подстановки идей (конституэнт)

вместо переменных мы получаем целый класс пропозиций, как Больцано объясняет в §147 и как поступает Витгенштейн в «Трактате» (3.315).

Рольф Джордж и Пол Разнок в статье, написанной для философского словаря, обратили внимание на одну неопубликованную работу Рассела «О подстановке» (1904 г.), где играет роль некоторое понятие подстановки, которую Р. Монк описывает следующим образом:

«Вместо работы с пропозициональными функциями типа “ x смертен”, мы имеем дело непосредственно с пропозициями, такими как “Сократ смертен” и “Платон смертен”, а вместо понятия переменной “ x ”, которая может быть определена индивидами типа Сократа и Платона, можно просто использовать технику подстановки одного индивида вместо другого в любой заданной пропозиции. Преимущество такого подхода состоит в том, что он позволяет избавиться как от понятия пропозициональных функций, так и от классов в пользу просто пропозиций» [54].

Это – в точности метод переменной Больцано. У Фреге нет ничего подобного. Быть может, Рассел открыл этот метод сам, или он мог обнаружить его у Больцано – автора, которого, как мы знаем, Рассел читал. Если на Витгенштейна оказала влияние филиация идей, то такое влияние вполне могли оказать споры с Расселом.

Помимо дополнительных цитат и ссылок я ничего не могу добавить к анализу проблемы *логического следования* (*выводимости*, *Ableitbarkeit* – в терминологии Больцано) и его связи с выводимостью. Наиболее важным здесь для меня является сходство между Больцано и Витгенштейном, но Коэн не говорит ничего, что относилось бы к этой теме. Рассмотрение Витгенштейном следования и вероятности есть упрощение метода Больцано. Больцано явно принимает наличие переменной в непроанализированных пропозициях, хотя и практикует это. У Рассела и Фреге нет ничего подобного. Нет ничего невозможного в том, чтобы гений вроде Витгенштейна обнаружил это сам, но едва ли можно сбросить со счетов влияние Циммермана на развитие представлений о вероятности.

Теории Больцано обсуждались в австрийской философии со времен Экснера (Брентано и его ученики: Керри, Твардовский, Гуссерль, Мейнонг, Хефлер и др.). В работе Лукаевича «Die logischen Grundlagen der Wahrscheinlichkeitsrechnung» (1913 г.), который был учеником Твардовского, есть раздел о Больцано. Относительно сходных моментов у Больцано и Тарского я уже писал [55]. В случае Тарского не исключено опосредованное влияние через Твардовского.

Примечания

1. При цитировании работ Витгенштейна я буду использовать следующие сокращения: *N* – *Notebooks* 1914–16 / G.E.M. Anscombe (trans.). – Oxford: Blackwell, 1961; *CV* – *Culture and value*: Rev. ed. / G.H. von Wright (ed.). – Oxford: Blackwell, 1998; *P* – *Prototractatus* / B.F. McGuinness, T. Nyberg, G.H. von Wright (eds.). – London: Routledge and Kegan Paul, 1971; *T* – *Tractatus logico-philosophicus* / C.K. Ogden and F.P. Ramsey (trans.). – London: Routledge and Kegan Paul, 1922 (я также ссылаюсь на перевод: *Tractatus logico-philosophicus* / D. Pears and B.F. MacGuinness (trans.). – London, Routledge and Kegan Paul, 1961); *RLF* – *Some remarks on logical form* // *Proceedings of the Aristotelian Society*. – 1928. – Supp. v. 9. – P. 162–171; *LE* – *A lecture on ethics* (Heretics Club, Cambridge, 1930) // *Philosophical Review*. – 1965. – No. 74. – P. 3–12 (перепечатано в: *Philosophical occasions*. 1912–1951. J. Klage and A. Nordmann (eds.). – Indianapolis: Hackett, 1993. – P. 36–44); *PR* – *Philosophical remarks* / R. Rhees (ed.). – Oxford: Blackwell, 1965; *WVC* – *Wittgenstein and the Vienna Circle* / B.F. McGuinness (ed.). – Oxford: Blackwell, 1967; *LA* – *Lectures and conversation on aesthetic, psychology and religious belief* / C. Barrett (ed.). – Berkeley: University of California Press, 1970; *LRKM* – *Letters to Russell, Keynes and Moore* / G.H. von Wright (ed.). – Oxford, Blackwell, 1974; *PI* – *Philosophical investigation*. – Oxford: Blackwell, 1953. (Здесь цитаты из Витгенштейна и Рассела в основном приводятся по переводам, существующим на русском языке. – *Прим. перев.*)

2. См. «Историческое введение» (Historical introduction) фон Вригта к *P* (p. 11–29).

3. Во всех исследованиях, кроме одного, представленных в сборнике «The new Wittgenstein» (A. Crary and R. Read (eds.). – London: Routledge, 2000) этот текст принимается безоговорочно. Исключение – статья П. Хэкера «Пробовал ли он это просвистеть?» (P. Hacker. «Was he trying to whistle it?». – P. 353–388). Этот же автор добавляет несколько пунктов, направленных против его безоговорочного принятия, в своей статье «Philosophy», опубликованной в: *Wittgenstein: a critical reader* / H.-J. Glock (ed.). – Oxford: Blackwell, 2001. – P. 322–347, особенно P. 327–331. Тщательная критика безоговорочного прочтения содержится также в статье: *Sullivan P.* On trying to be resolute: a response to Kremer on the Tractatus // *European Journal of Philosophy*. – 2002. – April. Безоговорочное прочтение – это прочтение, когда не уклоняются от затруднений, когда совершенно серьезно принимают заявление Витгенштейна, сделанное им в *T* 6.54, о том, что все предшествующие предложения в структуре книги являются бессмысленными. Безоговорочно настроенные читатели скажут, что здесь нет явной или глубокой бессмыслицы, а есть только обычная, очищенная невнятность, поэтому Витгенштейн, когда писал «Трактат», с суровой иронией показал трясину, в которой тонет Философия, продолжая развиваться в традиционном ключе.

4. См.: *Hacker P.* Wittgenstein's place in twentieth century analytic philosophy. – Oxford: Blackwell, 1996. – P. 22–38.

5. *McGuinness B.F.* Wittgenstein: A life. Young Ludwig (1889–1921). – London: Duckworth, 1988. – P. 300. Витгенштейн сам указывает, кто повлиял на стиль его записей. В *Z*, §712 он замечает в скобках: «На стиль моего изложения весьма сильно повлиял Фреге. И при желании я мог бы определить это влияние там, где никто его на первый взгляд не определил бы».

6. *McGuinness B.F.* Wittgenstein: A life... – P. 302. Развивая это утверждение Мак-Гиннесс предлагает «решительное» прочтение этого текста. Он говорит, что всю философию раннего Витгенштейна можно рассматривать «как разновидность мистического откровения» и что текст обеспечивает нечто «подобное инициации в мистерии,

которые по достижении могут быть забыты» (р. 303). Такая интерпретация, по-видимому, может быть оправдана вышеупомянутым T, 6.54, где Витгенштейн говорит, что его предложения (т.е. предложения «Трактата») должны быть использованы как ступеньки лестницы, которая, если по ней однажды подняться, приводит нас к выгодной точке зрения, дающей возможность «правильно увидеть мир». С этой выгодной точки зрения возможно увидеть, что сама пропозициональная лестница является бессмысленной и может быть отброшена прочь. Прочтение, предлагаемое МакГиннесом, возможно, но в высшей степени невероятно. Хотя и верно, что «Трактат» весьма эффективен в литературном отношении, это не тот случай (*подход* МакГиннеса), когда сообщение неотделимо от его литературного посредника. Сам Витгенштейн проясняет это, когда в разговоре с Морисом Друри признается, что «каждое предложение «Трактата» должно было рассматриваться как заглавное для разделов, следующих ниже», нынешний же его стиль «совершенно иной», он пытается «избежать этой ошибки» (*Recollection of Wittgenstein* / R. Rhees (ed.) – Oxford: Oxford Univ. Press, 1984. – P. 159). Это предполагает препятствие к «решительному прочтению» (или, точнее, его разрушение), ибо что могло бы быть «дальнейшей экспозицией», представляющей собой не что иное, как исполнение аргументов, поддерживающих пропозиции «Трактата»? Те, кто принимают «Трактат» безоговорочно, вполне правы, указывая, что, согласно T 6.54, пропозиции «Трактата» (за исключением «системных» пропозиций типа самой 6.54) являются, с точки зрения Витгенштейна, бессмысленными. Но они *ошибочно* полагают, что не может быть *проясняющей* бессмыслицы и дальнейшая экспозиция может усилить прояснение. Для сравнения: согласно позднему Витгенштейну, (а) «Квадратный корень из $2 = m/n$, где m и n – положительные целые числа» является гораздо более бессмысленным, чем «Треугольник имеет четыре стороны». Однако (а) может быть использовано в доказательстве, которое приводит к отрицанию самого себя. Поэтому (а) есть *бесполезная* бессмыслица. И как раз таков статус пропозиций «Трактата». Они полезны в том плане, что, используя их (предпочтительно вместе с некоторым дальнейшим объяснением), можно правильно прийти к видению мира и *pari passu*, чтобы опознать их бессмысленность.

7. У.У. Бартли получил эти сведения от некоторых бывших коллег Витгенштейна, которые видели его собственную копию рукописи в то время, когда он работал деревенским учителем в Земмеринге. См.: *Bartley III W.W. Wittgenstein*. – London: Quartet Books, 1973. – P. 28. – Fn. 2.

8. Рассел, по-видимому, принял эту критику близко к сердцу. Он написал собственную статью «On proposition: What they are and how they mean» (*Aristotelian Society*. – 1919. – Supp. v. 2. – P. 1–43) и, «парализованный» критикой со стороны Витгенштейна своей теории суждения, не стал публиковать рукопись объемом более 350 страниц, в которой он развил теорию. См.: *Blackwell K. The early Wittgenstein and the middle Russell // Perspectives on the philosophy of Wittgenstein* / I Block (ed.). – Oxford: Blackwell, 1981. – P. 1–30.

9. См.: *Nuchelmans G. Theories of the proposition: Ancient and medieval conception of the bearers of truth and falsity*. – Amsterdam: North-Holland Linguistic Series 8, 1973.

10. Частичный перевод этой работы на английский язык см. в сборнике: *Theory of science* / R. George (ed.). – Oxford: Blackwell, 1972. В дальнейшем ссылки приводятся по этому изданию. (Здесь цитаты в основном приводятся по русскому изданию: *Больцано Б. Учение о науке: Избранное*. – СПб.: Наука, 2003. – *Прим. перев.*)

11. См.: *Bolzano. WL*. – §23. – P. 27. Однако Больцано считает, что Аристотель совершает ошибку, если рассматривает «Предложение – это то, что является либо истинным, либо ложным» как определение предложения.

12. На вопрос Рассела Витгенштейн отвечает: «Я не знаю, что представляют собой конституэнты мысли, но я знаю, что мысль должна иметь такие конституэнты» (*LRKM*, письмо из Кассино, датированное 19 августа 1919 г.).

13. См.: *Goldstein L.* Clear and queer thinking: Wittgenstein's development and his relevance to modern thought. – London: Duckworth, 1999. – P. 126–127.

14. *Findley J.N.* Wittgenstein: A critique. – London: Routledge and Kegan Paul, 1984. – P. 31–32. В разделе 2 этой работы Финдлей кратко очерчивает то, что прямо или косвенно имеет отношение к осмыслению Витгенштейном «интенционалистов» Brentano, Meinong и Husserl. Финдлей замечает: Витгенштейн «по-видимому, мимолетно ознакомился с некоторыми ранними работами Гуссерля в кофейнях Вены и однажды спросил меня о “Логических исследованиях” Гуссерля, почему я уделяю внимание “этой старой работе”». Финдлей утверждает, что интенционалисты «оказали значительное влияние на Рассела и Мура, и многие их идеи отфильтрованы Витгенштейном из этих и других источников, имеющихся в Кембридже» (p. 22).

15. См.: *Kraft V.* The Vienna Circle: The origin of neo-positivism. – New-York: Greenwood Press, 1969. – P. 1999. (Оригинальный немецкий текст опубликован в 1953 г.) Я признателен Вульффу Майюсу за то, что он указал мне на это направление мысли.

16. Ср. письма Рассела леди Оттолин Морел, датированные 29 декабря 1912 г. Переписка Рассела и Морел хранится в Центре гуманитарных исследований Техасского университета.

17. Ханс Шлуга упоминает о глубоком и непреходящем влиянии, которое оказали на Витгенштейна Фреге и Рассел: «Это влияние отчасти заметно в “Трактате”, который можно рассматривать как попытку примирить атомизм Рассела с априоризмом Фреге». Шлуга также отмечает, что во время Первой мировой войны Витгенштейн возобновил свой интерес к метафизическим представлениям Шопенгауэра об этике, эстетике и мистике, отраженным в его «Мире как воле и представлении». Шлуга говорит, что «филиация идей, очевидно, придает “Логико-философскому трактату” его особый привкус». Фрица Маутнера, автора «Beiträge zu einer Kritik der Sprache» (1901–1902 гг.), который упоминается в T 4.0031, Шлуга называет вероятным источником взглядов Витгенштейна о том, что философские проблемы могут быть разрешены, если проявить надлежащее внимание к работе языка. Шлуга пишет: «Близость Витгенштейна к Маутнеру действительно очевидна во всех фазах его философского развития, хотя она и незаметна в его поздних размышлениях». См. статью о Витгенштейне в: *The Cambridge Dictionary of Philosophy*. – 2nd ed. / R. Audi (ed.). – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1999. – P. 976–980.

18. *Wright G.H., von.* Wittgenstein. – Minneapolis: Univ. of Minnesota Press. – P. 144–145.

19. О документально подтвержденной возможности влияния со стороны Больцано см.: *Sebestik J.* The archeology of the Tractatus: Bolzano and Wittgenstein // Wittgenstein – Towards a Re-evaluation / R. Hallern and J. Brandl (eds). – Vienna: Verlag Holder-Pichler-Tempsky, 1989. – P. 112–118. Крафт (op. cit., p. 153) отмечает, что взгляды Больцано предшествовали теории вероятностей, предложенной Кружком, в той же степени, что и теория Витгенштейна.

20. *CV*, 16. Редакторы *CV* отметили (p. 101), что в первоначальном списке были имена Фреге, Рассела, Шпенглера и Сраффы. Позднее Витгенштейн добавил имена Больцмана, Герца, Шопенгауэра, Крауса, Лооса и Вейнингера.

21. Это вступление к дневнику 1931 г. представляет отдельную острую проблему для сторонников «безоговорочного» прочтения «Трактата». Ибо они допускают, что в своих

работах, предшествующих «Трактату», Витгенштейн предлагал к обсуждению свои собственные теории (в частности, теорию логического отображения – *N*, р. 15) и поддерживал теории других философов (в частности, расселовскую теорию дескрипций), но после написания «Трактата» он пришел к весьма оригинальной идее, что философия есть терапия и что не существует философских теорий.

22. *Goldstein L.* Wittgenstein's Ph.D. Viva: A re-creation // *Philosophy*. – 1999. – V. 74. – P. 499–513. Далее цитируется как WPhD.

23. *Cohen M.* Was Wittgenstein a plagiarist? // *Philosophy*. – 2001. – V. 76. – P. 451–459.

24. Коэн использует отпугивающие заковыченные имена типа ««Рассел»» и т.д., но я хочу избежать возникающего из-за этого насмешливого тона.

25. См.: *Goldstein L.* Clear and queer thinking...

26. См.: *Kenny A.* Wittgenstein's early philosophy of mind // *Perspectives on the Philosophy of Wittgenstein*. – P. 140–147. Об отношении между теорией пропозиции и теорией суждения у Рассела и Витгенштейна см. также дискуссию Кэндлиша и Суинсбери: *Bertrand Russell and origins of analytical philosophy* // R. Monk and A. Palmer (eds.). – Bristol: Thoemmes Press, 1996. – P. 103–151.

27. См.: *Grayling A.C.* Russell. – Oxford: Oxford Univ. Press, 1966. – P. 99–101; *Id.* Wittgenstein. – Oxford: Oxford Univ. Press, 1988. – P. 56–57.

28. *Cohen M.* Was Wittgenstein a plagiarist? – P. 453. – Fn. 4.

29. Некоторые предложения из пассажа Рассела опущены Коэном: «Когда я говорю о «фактах», я не имею в виду одну из простых вещей в мире; я подразумеваю, что определенная вещь имеет определенное качество или что определенные вещи находятся в определенных отношениях. ...Итак, факты в этом смысле никогда не являются простыми, но всегда имеют две или более конституэнт. ...При условии такого факта существует пропозиция, выражающая этот факт... [такая пропозиция] будет называться атомарной пропозицией, поскольку... существуют другие пропозиции, в которые входят атомарные пропозиции способом, аналогичным тому, которым атомы входят в молекулы... Для того чтобы предотвратить параллелизм в языке, соответствующий фактам и пропозициям, мы будем называть «атомарными фактами» факты, которые мы рассматривали ранее». Важно заметить, однако, как уже указали и Эрик Стениус, и Энтони Палмер, что данный Огденом перевод содержащегося в *T, 2* «das Bestehen von Sachverhalten» как «существования атомарных фактов» делает важным *отсутствие сходства* между *Sachverhalte* Витгенштейна и атомарными фактами Рассела. Перевод Палмера: «наличие состояния дел (или обстояние дел)» – более предпочтителен. См.: *Stenius E.* Wittgenstein's Tractatus: A critical exposition of its main lines of thought. – Oxford: Blackwell, 1960. – P. 31; *Palmer A.* The complex problem and the theory of symbolism // *Bertrand Russell and the Origins of Analytical Philosophy*. – P. 155–182.

30. См.: *Grayling A.C.* Wittgenstein. – P. 57. Описывая этот интеллектуальный контакт с Витгенштейном на пороге Первой мировой войны, Рассел говорит: «Теория Витгенштейна глубоко повлияла на меня. Я пришел к мысли, что во многих пунктах я достиг близкого согласия с ним». См.: *Russell B.* My philosophical development. – London: Unwin, 1959. – P. 83.

31. Например: *Simons P.* Frege and Wittgenstein, truth and negation // *Wittgenstein: Towards a Re-evaluation*. – P. 119–129. Симонс пишет: «Личный долг Витгенштейна Расселу был, конечно, неоплатным, и я сказал бы, что его интеллектуальный долг перед Расселом был также более значительным, чем перед Фреге» (р. 119).

32. В статье, упомянутой Коэном, Себестик отмечает, что «другой источник влияния Больцано является, вероятно, более важным. Его логические идеи проникали в австрийскую философию неожиданным образом, через посредство первой редакции очень влиятельной книги Циммермана, которой часто подражали...» (p. 117). Коэн доходит до утверждения, что Витгенштейн не изучал австрийскую философию (p. 456). Это утверждение звучит странно, особенно в свете того факта, что цитируемый Коэном список тех, кто, как говорит Витгенштейн, повлияли на его мысль (CV, 16), включает Людвиг Больцмана, который с 1902 по 1906 г. занимал кафедру философии индуктивных наук Венского университета.

33. См.: *F.P. Ramsey: The foundations of mathematics* / R.B. Braithwaite (ed.). – London: Routledge and Kegan Paul, 1931. – P. 238.

34. Обратим особое внимание на дату этого письма. Некоторые из тех, кто «стоит на безоговорочных позициях», утверждают, что хотя в своих ранних заметках Витгенштейн и мог говорить о теориях, во время написания «Трактата» он пришел к точке зрения (безотносительно к своим поздним работам), что философия не состоит из теорий, а скорее представляет собой определенный вид терапии. Однако это письмо Расселу было написано *после* завершения «Трактата». Утверждение «стоящих на безоговорочных позициях», что «Трактат» только *pretendует* на то, чтобы предложить теории, тогда как на самом деле в нем как раз отражены претензии на философское теоретизирование, которое, в любом случае, совершенно глупо. Ибо если бы именно на это нацеливался Витгенштейн, то он, конечно, прояснил бы это Расселу, или Рамсею, или любому другому понимающему человеку, с кем он обсуждал содержание своего текста.

35. Согласно точке зрения Витгенштейна, «прояснение» не есть «объяснение», поскольку не существует объяснения или выражения в словах отношения между словами и миром. Витгенштейн говорит, что философская работа, по существу, состоит из прояснений (T, 4.112), и, строго говоря, его бессмысленное (unsinning) находится за гранями понимания (T, 6.54).

36. T, 6.522: «Есть, конечно, нечто невыразимое. Оно *обнаруживает* себя; это – мистическое». То, что Пэрс и МакГиннесс переводят как «обнаруживает» есть «zeigen» (у Огдена и Рамсея переведено как «показывает»). T, 6.421: «Ясно, что этика не может быть высказана».

37. См.: *Ramsey. The foundation of mathematics (1925) // Foundations: Essays in philosophy, logic, mathematics and economics* / D.H. Mellor (ed.). – London: Routledge and Kegan Paul, 1978. – P. 210–211.

38. Рассел пишет: «Витгенштейн утверждает, что логика состоит всецело из тавтологий. Я думаю, в этом он прав, хотя я и не считал так до тех пор, пока не прочитал то, что он должен был сказать на этот предмет». См.: *Russel B. My philosophical development*. – P. 88. Относительно Карнапа см. его автобиографию в: *The philosophy of Rudolph Carnap* / P.A. Schilpp (ed.). – La Salle: Open Court, 1963. – P. 27. Цитата в *WPhD*, 502, сноска 15.

39. См.: *Carroll L. What the tortoise said to Achilles // Mind*. – 1895. – No. 4. – P. 278–280. Аргумент Витгенштейна приводится в T, 6.1221 и, в несколько более ясной и расширенной форме, в N, 107–108, 111.

40. См. мою книгу *CQT*, 18–19.

41. Обычно рассказывают о том, что плохой характер и несдержанное поведение привели Витгенштейна к неприятностям. У.У. Бартли III в своей книге «Wittgenstein» (London: Quartet Books, 1973. – P. 62–94) приводит различные истории, в которых Витгенштейн предстает жертвой темных, мало думающих, неискрен-

них, злобных типов. Подобный случай описан в романе Филиппа Рота «The human stain» (London: Vintage, 2000), но, разумеется, нет нужды обращаться к вымыслу за примерами клеветнических кампаний против учителей, и я считаю, что подход Бартли следует принимать серьезно.

42. Я благодарю Архив Витгенштейна в Бергене (Норвегия) за то, что мне был предоставлен доступ к этим материалам и разрешено использование исследовательских средств Архива, когда материалы обрабатывались. Все рукописи теперь транскрибированы и опубликованы как целое на CD-ROM (*The Wittgenstein Nachlass*. – Oxford: Oxford Univ. Press, 1999).

43. Руперт Рид доказывал, что в лучшем мире на авторов работ по этике Витгенштейн повлиял бы гораздо сильнее – в оставленной им теории было бы больше храбрости. См.: *Reed R. Review of R. Hursthouse: On virtue ethics // Philosophical Investigation*. – 2001. – No. 24. – P. 274–282.

44. «Труд философа – это осуществляемый с особой целью подбор припоминой» (*PI*, §127; см. также §89).

45. Согласно М.О.К. Друри, Витгенштейн однажды думал об использовании в качестве эпиграфа для *PI* цитаты из «Короля Лира»: «Я научу тебя различиям». См.: *Ludwig Wittgenstein: The man and his philosophy // K.T. Fann (ed.)*. – New York: Dell, 1967. – P. 69.

46. В *PI*, §116 Витгенштейн характеризует свое предприятие как возвращение от метафизического использования слов к их повседневному использованию. Параграфы 114–116 – это критика утверждения, сделанного в *T*, 4.5, что общая форма пропозиции есть «Дело обстоит так-то и так-то».

47. См.: *Rodych V. Wittgenstein's critique of set theory // The Southern Journal of Philosophy*. – 2000. – V. 38. – P. 281–319; *Floyd J., Putnam H. A note on Wittgenstein's «Notorious Paragraph» about the Gödel Theorem // The Journal of Philosophy*. – 2000. – V. 97. – P. 624–632; *Sayward C. On some much maligned remarks of Wittgenstein on Gödel // Philosophical Investigation*. – 2000. – V. 24. – P. 262–270.

48. М. Хинтикка и Я. Хинтикка видят ее как медленный переход, достигающий кульминации в понятии языковой игры, занимающей центральное положение в рассуждениях Витгенштейна. См.: *Hintikka M.B., Hintikka J. Investigating Wittgenstein*. – Oxford: Blackwell, 1986. – P. 190.

49. Хотя это было сделано в одном из его не слишком умных замечаний: «Даже величайшие еврейские мыслители не более чем талантливы. (Я сам, например.)» (*CV*, 16).

50. После того как я написал этот раздел, я наткнулся на биографический очерк о Витгенштейне Георга фон Вригта и был счастлив обнаружить, что в отношении того, что я здесь исследовал, мои взгляды и взгляды фон Вригта вполне совпадают. Согласно фон Вригту, «прежде всего острая и сильная критика со стороны Сраффы побудила Витгенштейна отказаться от своих ранних взглядов и проторить новые пути. Он говорил, что его споры со Срафзой вызывали у него ощущение, что он дерево, с которого срезали все листья. Чтобы это дерево снова могло стать зеленым, ему требовалось обрести собственную жизненную силу. Поздний Витгенштейн не испытывал влияния со стороны других, подобное тому, которое оказали на раннего Витгенштейна Фреге и Рассел». См.: *Wright G.H. von*. – P. 28. В сноске 15 (p. 27), фон Вригт замечает: «“Трактат” принадлежит к определенной традиции в европейской философии, уходящей вглубь за Фреге и Расселом, по крайней мере, к Лейбницу. Так называемая поздняя философия Витгенштейна, как я ее вижу, совершенно иная. По духу она не похожа на все,

что я знаю из западной мысли, и во многих направлениях противостоит целям и методам традиционной философии».

51. *Dummett M.* *Origins of analytical philosophy.* – London: Duckworth, 1993. – P. 166.

52. Об этом см.: *Morscher E.* Robert Zimmermann – der Vermittler von Bolzano's Gut? Zerstörung einer Legende // *Bolzano und die österreichische Geistesgeschichte* / H. Ganthaler and O. Neumaier (eds). – Sankt Augustin: Academia, 1997. – S. 145–237.

53. *Husserliana* XII. – The Hague: Nijhoff, 1970. – P. 287–294. Обзор работ Гуссерля появился в 1903 г. Английский перевод, сделанный Д. Виллардом, см.: *Reading on Edmund Husserl's logical investigation* / J.N. Mohanty (ed.). – The Hague: Nijhoff, 1977. – P. 36.

54. *Monk R.* *Bertrand Russell: The spirit of solitude.* – London: Jonathan Cape, 1996. – P. 185.

55. См.: *Sebestic J.* *Logique et mathématique chez Bernard Bolzano.* – Paris: Vrin, 1992. – P. 246–247. Подробнее см.: *Sebestic J.* *Forme, variation et déductibilité dans la logique de Bolzano* // *Revue d'Histoire des Sciences.* – 1999. – No. 52. – P. 479–506.